„И кажется она любви еще не знаетъ,
„Хотя ужъ на щекахъ румянецъ увядаетъ:
„Дворянки наши сей ихъ прелестей изъянъ
„Умѣютъ награждать пріятностью румянъ,
„И хитростью такой прельщаютъ легковѣрныхъ,
„Вселяютъ въ нихъ любовь и вздоховъ тьму безмѣрныхъ.
„Но ежели и въ томъ успѣха не найдутъ,
„Тогда хулитьмущинъ, смѣяться имъ начнутъ,
„Расказываютъ всѣмъ пренагло ихъ пороки,
„И дѣлаются къ нимъ суровы и жестоки.
Вотъ что ты говорилъ! Я вѣрила всему;
А можетъ быть и льстилъ ты сердцу моему:
Ты думалъ, что твое къ дворянкамъ отвращенье
Есть сильное тебя любити побужденье.
Ты льстилъ, конечно льстилъ! не льзя иному быть;
На что бы ужъ тебѣ дворянку и любить?
О льстецъ! когда бы я твое притворство знала;
Что въ томъ, что баринъ ты; тебя бы презирала;
И всемъ сокровищемъ, которымъ блещешъ ты,
Не могъ бы обольстить невинной красоты;
Сей малой красоты, но нѣжной, непритворной,
Рожденной для любви, обманамъ непокорной.
Природа сверьхъ любви дала и гордость намъ:
Крестьянка я; но знай безчестно не продамъ
Свободы лестной той, которой обладаю;
Любила я тебя, а нынѣ презираю.
Иль властію своей предъ нами возгордясь,
Невольными сердца хотите сдѣлать въ насъ?